DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13
УДК 332.1, ББК 65.240
© Васильева Е.В.

Политика активного долголетия в регионах России: региональные программы и измерение динамики их развития

Елена Витальевна
ВАСИЛЬЕВА
Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vasileva.ev@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Аннотация. В статье исследуется практика реализации политики активного долголетия в российских регионах на примере региональных программ, а также анализируются инструменты измерения их результативности. Раскрывается концептуальное противоречие между целевым назначением политики активного долголетия (раскрытием социально-экономического потенциала старшего поколения) и фактической направленностью применяемых оценочных механизмов, которые зачастую фиксируют не продуктивную вовлеченность пожилых граждан, а нагрузку на социальную и медицинскую инфраструктуру. В работе проведен анализ международного индекса Active Ageing Index, его адаптаций (включая российский индекс активного долголетия) и системы показателей Минтруда России, выявлены их методологические ограничения для целей государственного управления. Проведен анализ региональной программы «Активное долголетие» в Свердловской области: рассмотрены структура мероприятий, распределение бюджетных средств и система мониторинга результатов. Показано, что значительная часть финансирования и мероприятий относится к сфере базового социального обеспечения, здравоохранения и инфраструктурного развития и реализуется вне прямой связи с задачами активного долголетия, тогда как меры по содействию занятости и профессиональному развитию получают существенно меньший объем ресурсов. На основе выявленных разрывов между концептуальными основами политики и ее практической реализацией предложены направления совершенствования региональных программ и системы показателей оценки их результатов, в частности смещение

Для цитирования: Васильева Е.В. (2025). Политика активного долголетия в регионах России: региональные программы и измерение динамики их развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 252–269. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13

For citation: Vasilyeva E.V. (2026). Active aging policy in Russian regions: Regional programs and measuring their development dynamics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 252–269. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13

акцента на раскрытие экономического и социального потенциала старшего поколения, внедрение показателей реальных результатов (уровень занятости по возрастным группам, число трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий и др.), обеспечение регулярности и сопоставимости данных, а также учет факторов, влияющих на продуктивную активность пожилых людей (превентивные меры, снижение двойной нагрузки, развитие межпоколенческого взаимодействия). Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при корректировке содержания региональных программ и формировании более релевантного инструментария в рамках оценки результативности политики активного долголетия.

Ключевые слова: активное долголетие, региональные программы, индекс активного долголетия, старшее поколение, пожилые люди.

Благодарность

РНФ № 25-18-00465 «Экосистемный подход к устойчивому региональному развитию: синергия образования, промышленности и социальной политики для формирования конкурентоспособных территорий».

Введение

В современных условиях трансформации возрастной структуры населения обеспечение условий для здорового и активного долголетия становится одним из стратегических приоритетов государственного управления в России. Демографический переход, сопровождающийся устойчивым ростом доли пожилых граждан, формирует сложный комплекс вызовов. С одной стороны, требуется минимизировать нарастающее давление на социальную и бюджетную системы, с другой – максимально эффективно использовать накопленный жизненный и профессиональный капитал старшего поколения как значимый ресурс социально-экономического развития.

На региональном уровне эта задача реализуется через программы «Активное долголетие» в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Семья». Практический опыт их реализации демонстрирует наличие ощутимых результатов, однако инструментарий оценки эффективности остается предметом острых профессиональных дискуссий. Существующие метрики нередко фиксируют лишь отдельные аспекты социальной поддержки, не в полной мере улавливая многомерную природу активного долголетия. Кроме того, применение интегральных индексов (в том числе адаптированных международных методик) сопряжено с рядом методологических трудностей, обусловленных особенностями российской социально-экономической и институциональной среды.

В статье предпринята попытка системного осмысления практики реализации региональных программ «Активное долголетие» и механизмов мониторинга их результативности. Цель исследования – выявить разрывы между концептуальными основами политики активного долголетия и практикой ее реализации на региональном уровне, а также предложить направления совершенствования региональных программ и системы показателей измерения их результатов. Для этого методология исследования строится на сравнительно-аналитическом подходе, сочетающем комплекс взаимодополняющих методов. Посредством обзора литературы были систематизированы отечественные и зарубежные труды, посвященные концепции активного долголетия, методологии его измерения, а также проблемам применения интегральных индексов в управленческой практике. В рамках документального анализа рассмотрены нормативные правовые акты федерального и регионального уровней. С помощью аналитического метода проведен сопоставительный анализ международных и российских подходов к измерению активного долголетия по концептуальному соответствию, составу показателей, периодичности данных и управленческой интерпретируемости. Методом кейс-стади региональная программа Свердловской области рассмотрена как типовая модель реализации федерального подхода на региональном уровне. В результате проведения исследования предложены критерии отбора показателей для оценки

результатов политики активного долголетия (соответствие концепции, ориентация на конечный результат, измеримость и регулярность данных). На примере Свердловской области продемонстрировано смещение приоритетов в региональных программах. Кроме того, обоснована необходимость учета и последующей интеграции в систему мониторинга и программные документы таких факторов продуктивной активности пожилых людей, как превентивные меры, снижение двойной нагрузки и развитие межпоколенческого взаимодействия.

Обзор подходов к измерению результатов политики активного долголетия

Индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI) служит ключевым инструментом мониторинга политики в соответствующей сфере (Калачикова и др., 2023). Он представляет собой многомерный составной индекс, созданный в рамках совместной инициативы Генерального директората Европейской комиссии по занятости, социальным вопросам и интеграции и Группы по вопросам народонаселения ЕЭК ООН[1]. AAI измеряет, насколько пожилые люди могут реализовывать свой потенциал, охватывая три основные сферы их жизни: «занятость», «участие в общественной жизни» и «независимую жизнь». Отдельно выделяется четвертый блок – «благоприятная среда и способность к активному долголетию», оценивающий, насколько общество создает условия для активного долголетия и поддерживает возможности этой возрастной группы (Zaidi et al., 2017). Базой для расчета AAI в странах ЕС выступают данные четырех крупных социологических обследований домохозяйств. При попытке применения индекса за пределами ЕС, включая Россию, возникает проблема, связанная с доступностью и сопоставимостью источников данных (Активное долголетие..., 2022; Короленко, 2022а). Для адаптации расчета индекса разработаны методические рекомендации по применению методологии для расчетов на национальном и субнациональном уровнях в странах, не входящих в ЕС[2]. В рекомендациях описаны подходы к подбору альтернативных источников данных и переменных, а также способы адаптации исходной методологии расчета AAI. При этом обеспечивается сохранение ключевой концепции, структуры и функциональных возможностей индекса. Одной из версий подобной адаптации является азиатский AAI, разработанный А. Заиди и Дж. Умом при финансовой поддержке Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) (Zaidi, Um, 2019). В качестве пилотных площадок выбраны Индонезия и Таиланд как наиболее густонаселенные государства – члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), по которым доступен достаточный массив данных. Азиатский AAI опирается на методологию «европейской версии» индекса, но существенно адаптирует ее с учетом специфики региона. В частности, он учитывает культурные нормы Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как роль пожилых людей в обществе, меняющиеся нормы семейных отношений и неформальный характер вклада пожилых людей в жизнь своих семей и общин. Помимо этого, в азиатской версии пересмотрены как набор показателей, так и методы их агрегирования.

Попытки адаптации AAI активно предпринимаются и российскими учеными. В частности, М. Варламова, А. Ермолина и О. Синявская рассчитали индекс для России, опираясь на данные семи источников: Всероссийская перепись населения (Росстат), Обследование «Поколения и гендер» (GGS, Независимый институт социальной политики), Комплексное наблюдение условий жизни населения (Росстат), Европейское социальное исследование (ESS, Сити Сент-Джорджес, Лондонский университет), Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (НИУ ВШЭ), база данных Human Mortality Database и данные Института показателей и оценки состояния здоровья (Varlamova et al., 2017). Ученые Томского политехнического университета, которые в своих расчетах также используют данные Росстата, GGS и ESS, указывают на существенные сложности в применении методологии AAI в российских реалиях (Barysheva et al., 2018). В России активно

[1] Active Ageing Index // United Nations Economic Commission for Europe. URL: https://unece.org/population/active-ageing-index (дата обращения: 21.08.2026).

[2] Guidelines Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level. URL: https://statswiki.unece.org/spaces/AAI/pages/76287849/V.+Documents+and+publications?preview=%2F76287849%2F214892608%2FAAI_Guidel

формируются собственные социологические инструменты для оценки активного долголетия. Так, исследователи Томского политехнического и Томского государственного университетов разработали дизайн исследования «Капитал здоровья старшего поколения», основанный на методологии AAI, и апробировали его в Томской области для анализа накопления и сохранения здоровья пожилых людей (Барышева и др., 2022). Исследователи Вологодского научного центра РАН разработали подход к оценке внешних и внутренних факторов активного долголетия на базе социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы» (Короленко, 2022b).

Порядок расчета индекса активного долголетия (ИАД) в России был закреплен в 2019 году Приказом Росстата[3], в его основе лежит методология AAI. В 2024 году методологическая база была актуализирована Приказом Росстата[4], чтобы повысить адаптивность индекса к национальным условиям и усилить его практическую значимость для задач государственного управления. Существенным элементом обновления стало введение национальных весовых коэффициентов наряду с международными весами ЕЭК ООН. Если международные веса обеспечивают сопоставимость российских данных с показателями других стран, то национальные коэффициенты отражают приоритеты государственной политики и специфику социально-экономического контекста. Эмпирической основой расчета ИАД выступают данные трех социологических наблюдений: Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, Комплексного наблюдения условий жизни населения и Выборочного наблюдения состояния здоровья населения. С учетом особенностей сбора и обработки этих данных периодичность расчета индекса установлена как двухгодичная. Структура ИАД построена по аналогии с AAI и включает 22 индикатора, сгруппированные в четыре области (Приложение).

В мае 2021 года. ВЦИОМ обнародовал свои расчеты индекса активного долголетия, выстроенные в соответствии с методологией AAI и основанные на данных опроса «ВЦИОМ-Спутник»[5]. Эмпирическую базу составила выборка из 1600 респондентов, которая репрезентирует взрослое население России и охватывает широкую территориальную сетку (не менее 80 регионов, 500 городов и поселков городского типа, 100 сел). Несмотря на масштабность выборки, полученные результаты, как отмечают авторы, не подлежат прямой генерализации на всю территорию России.

А.Е. Иванова и Вангородская С.А. проанализировали проблематику применения индекса активного долголетия в качестве инструмента оценки эффективности социально-демографической политики. Как показывают их выводы, использование международного инструментария для измерения прогресса в сфере активного долголетия сопряжено с комплексом ограничений. На понятийном уровне фиксируется расхождение между ключевыми доменами индекса и наиболее острыми проблемами, связанными с положением пожилых людей в российском обществе, что снижает релевантность отдельных компонентов индекса для отражения реальных вызовов. В методическом плане сложности обусловлены несовпадением структуры доменов, а также различиями в подходах к определению весовых коэффициентов при агрегации показателей в сводный индекс. С информационной точки зрения существенную проблему представляет частичная несопоставимость источников статистических данных и систем сбора социологической информации (Иванова, Вангородская, 2026). По мнению А.В. Попова, различные индексы активного долголетия, несмотря на разницу в формулировках и наборе индикаторов, имеют сходное смысловое наполнение (Попов, 2026). При этом полученные результаты могут существенно отличаться, в том числе из-за субъективной природы затрагиваемых категорий, что обостряет вопрос обоснованно-

[3] Приказ Росстата от 31.10.2019 № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».

[4] Приказ Росстата от 24.05.2024 № 209 «О внесении изменений в Методику расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации, утвержденную приказом Росстата от 31 октября 2019 г. № 634».

[5] Родин К. Индекс активного долголетия // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/indeks-aktivnogo-dolgoletija (дата обращения: 21.08.2026).

сти применения того или иного инструментария для отражения реальной ситуации.

В соответствии с методическими рекомендациями в Приказе Минтруда России[6] для оценки эффективности разработки (актуализации) и реализации региональных программ «Активное долголетие» предусмотрен набор из шести показателей:

1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

2) доля граждан старшего поколения, вовлеченных в Программу;

3) доля граждан старшего поколения, получивших социальное обслуживание, в общем числе граждан старшего поколения, признанных нуждающимися в социальном обслуживании;

4) доля пожилых граждан и инвалидов, получивших услугу по долговременному уходу, от общего числа нуждающихся в нем граждан и инвалидов;

5) доля граждан в возрасте от 55 лет (женщины) и от 60 лет (мужчины) до 79 лет включительно, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности граждан указанной возрастной категории;

6) обеспеченность геронтологическими койками населения в возрасте 60 лет и старше.

Эта система показателей не позволяет полноценно судить о результатах политики в области активного долголетия. Ее ключевые недостатки связаны с рассогласованием между заявленной целью концепции активного долголетия – раскрытием потенциала старшего поколения и фактической направленностью показателей. Половина показателей вместо фиксации потенциала и вклада пожилых людей в развитие общества отражают их как группу, нуждающуюся в поддержке и обслуживании. Показатели охвата социальным обслуживанием, долговременным уходом и обеспеченности геронтологическими койками описывают старшее поколение через призму дефицитов и ограничений, а не имеющихся компетенций и возможностей.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении не отражает реальную ситуацию в отношении граждан старшего поколения. По сути, показатель дает среднее количество лет, которое проживет поколение родившихся, если эти люди в течение своей жизни будут подвержены такому же риску смерти, что и в наблюдаемый период[7]. Иными словами, значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении на уровне 72,84 года, зафиксированное в России в 2024 году, отражает гипотетический средний возраст дожития ребенка, появившегося на свет в этом году, при условии, что возрастные коэффициенты смертности останутся неизменными на протяжении всей его жизни.

Частично релевантен показатель доли граждан старшего поколения, вовлеченных в Программу, который учитывает участие пожилых людей в различных мероприятиях (в занятиях физической культурой и спортом, культурно-досуговых мероприятиях и творческих проектах, образовательных проектах, волонтерском движении)[8]. Но у показателя есть методологические пробелы, в первую очередь в результате размытости самого понятия «участие», под которым могут пониматься и серьезные форматы вовлеченности (например, профессиональная переподготовка), и эпизодические малозатратные активности. Их вклад в реализацию идеи активного долголетия несопоставим, но в рамках действующей системы оценки они формально приравниваются друг к другу. Показатель доли граждан старшего поколения в возрасте до 79 лет, систематически занимающихся физкультурой и спортом, охватывает лишь один узкий аспект активности и не отражает более широкие формы участия в экономической и общественной жизни.

В итоге такая утвержденная система показателей для оценки эффективности разработки (актуализации) и реализации региональных программ «Активное долголетие» смещает фокус с развития потенциала старших возрастных

[6] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20.11.2024 № 625 «О методических рекомендациях по разработке (актуализации) региональных программ «Активное долголетие» субъектов Российской Федерации».

[7] Приказ Росстата от 03.11.2020 № 662 «Об утверждении методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении».

[8] Приказ Минтруда России от 22.11.2024 № 632 «Об утверждении методики расчета показателя «Доля граждан старшего поколения, вовлеченных в региональные программы «Активное долголетие» федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Семья».

групп на управление нагрузкой на социальную и медицинскую сферы. Концепция же активного долголетия закладывает иной подход, предполагающий отношение к пожилым людям как к активу общества, носителям опыта, знаний и навыков, способных вносить вклад в экономику (Барсуков, 2016). Как отмечает В.Г. Доброхлеб, часть пожилых людей в России обладает многоаспектным ресурсным потенциалом, который важно поддерживать и эффективнее использовать в рамках стратегии активного долголетия (Доброхлеб, 2022). Выделенные показатели эту сторону практически не отражают. Чтобы адекватно оценивать результаты политики активного долголетия, нужны индикаторы, напрямую отражающие самостоятельность и активность жизни граждан старшего поколения.

Подход к оценке результатов политики активного долголетия

Оценка результатов политики активного долголетия требует такой системы показателей, которая позволяла бы не просто констатировать отдельные факты о положении граждан старшего поколения, а фиксировать реальный эффект от принимаемых мер и на этой основе своевременно корректировать управленческие решения. Существенное значение здесь имеет четкая методологическая рамка, показатели должны быть не формальными метриками активности органов власти, а измеримыми свидетельствами достигнутых результатов, релевантных самой сути концепции активного долголетия. А. Заиди характеризует AAI как мощный инструмент мониторинга, позволяющий отслеживать прогресс в области активного долголетия (Zaidi, 2017). С исследовательской точки зрения это действительно так, индекс дает объемный срез данных и помогает выявлять тенденции, сопоставлять ситуации в разных странах и анализировать многомерные проявления активного долголетия. Однако при использовании индекса в качестве инструмента оценки государственной политики появляются серьезные методологические проблемы.

Во-первых, сама логика индекса предполагает, что максимальный результат достигается при предельно широкой вовлеченности граждан старшего поколения во все сферы одновременно: от трудовой и волонтерской деятельности до участия в политической жизни и выполнения обширных семейных обязанностей. Как справедливо подчеркивают И.А. Григорьева и Е.А. Богданова, подобная установка фактически лишает пожилых людей пространства для индивидуального выбора, превращая «активность» в предписанную норму, а не в осознанную возможность (Григорьева, Богданова 2020). При этом игнорируются возрастные ограничения и личные предпочтения, что может приводить к искаженному пониманию потребностей этой возрастной группы. Согласно выводам Г.В. Белеховой и А.В. Попова (Белехова, Попов, 2025), основанным на данных социологического опроса «Благополучие населения», после 55 лет идея сохранения активности во всех сферах жизни неизбежно сталкивается с реалиями возрастных ограничений и объективных потерь (сокращение социального круга, завершение карьеры, снижение потенциала здоровья). Риски такого подхода продемонстрированы португальскими исследователями (José et al., 2017) на примере Италии, где зафиксирован низкий уровень физической активности среди пожилых людей (5,4%). По их мнению, ориентация политиков на индекс может привести к формированию управленческих решений, основанных на предположении о наличии «неиспользованного потенциала». Между тем стимулирование физической активности без учета ценностных установок и ресурсных возможностей пожилых граждан способно не только не улучшить, но и ухудшить их благосостояние.

Во-вторых, высокие значения показателей индекса не является однозначным маркером благоприятной ситуации в сфере активного долголетия. В ряде случаев они фиксируют не расширение возможностей лиц старшего возраста, а вынужденную адаптацию к сложившимся социально-экономическим условиям. Согласно выводам аргентинских исследователей, рост занятости среди пожилых не стоит трактовать как однозначно позитивный тренд, зачастую он отражает вынужденную необходимость обеспечивать базовые потребности из-за слабой социальной защиты (Durán et al., 2026). Аналогично увеличение нагрузки по уходу за детьми и больными свидетельствует скорее о дефиците институциональной поддержки, а не о росте социальной вовлеченности, что несет риски физического и эмоционального истощения пожилых людей.

В-третьих, отдельные показатели сложно рассматривать в качестве целевых ориентиров государственной политики. С одной стороны, семейная сфера занимает важное место в жизни пожилых людей. Согласно результатам социологического исследования, в представлении населения долголетие не связано с сохранением трудовых функций, обязательной занятостью, а, скорее, наполняется смыслами заботы о подрастающих поколениях, общения и помощи родным и близким (Калачикова, Нацун, 2023). Но, с другой стороны, показатели «уход за детьми и внуками» и «уход за больными и инвалидами» проблематично трактовать как результат целенаправленных мер государственной политики. Государство способно формировать условия для содействия официальной занятости и участию в волонтерских движениях, развивать соответствующую инфраструктуру, однако не имеет инструментов для нормированного регулирования вовлеченности граждан в выполнение семейных обязанностей. Более того, сама идея стимулирования такой вовлеченности противоречива, ее реализация потребовала бы либо сокращения сети социальных учреждений для детей и лиц с ограниченными возможностями здоровья, либо создания иных искусственных стимулов, что не только неэтично, но и контрпродуктивно с точки зрения общественного благосостояния. Иными словами, подобные показатели важны для анализа ситуации в сфере активного долголетия, но не подходят для оценки результатов государственных мер.

В-четвертых, включение домена «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» в структуру индекса приводит к его методологической перегруженности. Ключевым для оценки активного долголетия выступает не столько формирование ресурсного потенциала (в том числе накопление человеческого капитала), сколько фактическая реализация этого потенциала лицами старшего возраста в общественно значимой деятельности (Васильева, 2022b). Так, например, показатель уровня образования пожилого населения отражает преимущественно базовый ресурсный потенциал группы, а не реальное участие в практиках активного долголетия. Наличие же определенного образовательного уровня свидетельствует о возможностях, которые потенциально могут быть задействованы, но не фиксирует их фактическое использование для блага общества. Поскольку данный показатель характеризует условия и предпосылки активности, то его нецелесообразно включать в состав оценки результатов политики активного долголетия.

ИАД, безусловно, является ценным аналитическим инструментом, однако его применение в управленческой практике нуждается во взвешенном подходе. Интерпретация значений индекса должна опираться не только на формальные показатели, но и на понимание реальных условий жизни пожилых людей, включая социально-экономический контекст, мотивацию и доступные им возможности. Как справедливо отмечают ученые (Acosta-Urigüen et al., 2026, Jiang et al., 2026), при разработке индексов активного долголетия необходимо учитывать культурные и социальные факторы, которые могут влиять на определение и измерение активного старения в разных контекстах. Только при таком сбалансированном подходе можно избежать рисков, когда меры, формально направленные на «повышение активности», на деле увеличивают нагрузку и снижают качество жизни пожилых людей.

С учетом выявленных методологических ограничений ИАД целесообразно применять следующие критерии отбора показателей для оценки результата политики активного долголетия.

Соответствие концептуальным рамкам политики активного долголетия. Показатели должны строго отражать предметное содержание концепции активного долголетия и не подменять ее более широкими категориями (общее благосостояние, качество жизни). Это позволяет сохранить фокус на специфике политики и избежать размывания целевых ориентиров за счет включения показателей, относящихся к смежным, но не идентичным сферам. Опорным для формирования системы показателей служит определение, предложенное Всемирной организацией здравоохранения: «активное долголетие – это процесс оптимизации возможностей для поддержания здоровья, участия в жизни общества и обеспечения безопасности с целью повышения качества жизни по мере старения»[9]. Исходя из этой формулировки, результат политики активного долголетия дол-

[9] Active Ageing: A Policy Framework (2002). Geneva, Switzerland: World Health Organization. 60 p.

жен оцениваться через призму трех базовых измерений: состояния здоровья, вовлеченности в общественную жизнь и безопасности жизни лиц старшего возраста.

Ориентация на измеримый конечный результат. В состав системы оценки следует включать показатели, фиксирующие именно итоговые результаты реализуемых мер, а не затраченные усилия или промежуточные действия. Такой подход смещает акцент с учета «объема усилий» (например, количество проведенных мероприятий) на оценку реальных изменений в положении граждан старшего поколения, в частности расширения возможностей для трудовой занятости, участия в общественной деятельности, поддержания активного образа жизни и т. п.

Измеримость и регулярная доступность данных. Показатели должны быть количественно измеримыми, а соответствующие данные рассчитываются на ежегодной основе. Это обеспечивает возможность регулярного мониторинга динамики и межрегиональных сопоставлений. Использование данных с низкой периодичностью (например, раз в два года) снижает оперативность управленческого реагирования и не отвечает требованиям текущего контроля за реализацией политики, поэтому недостаточно эффективным для решения актуальных управленческих задач в сфере активного долголетия. Но вместе с тем назрела необходимость расширения официальной статистической базы по вопросам активного долголетия. О.В. Синявская и А.А. Червякова справедливо отмечают, что в России нужно больше разнообразных данных о старшем поколении, как количественных, так и качественных, не исчерпывающихся только экономическими показателями (Синявская, Червякова, 2022).

Также важно отметить, что применение любых интегральных индексов сопряжено с существенными методологическими рисками, возникающими как в процессе отбора данных на этапе формирования показателей, так и в процессе построения самих индексов или использования их в экономическом и статистическом анализе при интерпретации результатов, что способно исказить реальную картину (Алферьев и др., 2021, Леонов, 2024). Как отмечает С.А. Айвазян, интегральные индикаторы различных синтетических категорий, получаемые в виде специальных сверток ряда частных критериев (регистрируемых статистических показателей), имеют условный смысл и ограниченное время и место действия, в рамках которых они могут адекватно отражать действительное положение дел (Айвазян, 2001). Вне этих границ интерпретация результатов может быть некорректной. Наиболее значимым практическим ограничением выступает эффект, условно именуемый «средней температурой по больнице»[10]. Он возникает вследствие стремления максимально полно охватить все аспекты изучаемого явления за счет включения широкого набора показателей. В результате формируются усредненные оценки, которые утрачивают информативность и не позволяют выявить специфику ситуации. Проблема существенно обостряется при разнонаправленной динамике отдельных индикаторов: их взаимное нивелирование в составе интегрального показателя скрывает как реальные достижения, так и острые проблемы. В результате индекс становится труднообъяснимым, а его управленческая ценность существенно снижается. Вместо инструмента, позволяющего выявлять приоритетные направления корректировки политики и оценивать результативность мер, он превращается в обобщенную метрику, не дающую четких сигналов для принятия решений.

В целях преодоления выявленных методологических ограничений целесообразно применять альтернативные методические подходы. Примером реализации такого подхода выступает индекс активного долголетия, базирующийся на агрегировании пяти показателей, сгруппированных по трем доменам: «Здоровье», «Трудовая активность» и «Безопасность» (Васильева, 2022а). Агрегирование ориентировано на оценку степени достижения установленных целевых ориентиров, что обеспечивает сопоставимость межрегиональных результатов и повышает управленческую интерпретируемость формируемой оценки. Структура перечня показателей обладает необходимой гибкостью, она

[10] Индекс качества жизни. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы // Кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет МГУ. URL: www.ecoross.ru/files/atlas/indexes/index_life.shtml (дата обращения: 21.08.2026).

допускает корректировку и расширение состава показателей, а также дифференциацию данных в разрезе пола и отдельных возрастных групп. Кроме того, этот индекс может быть адаптирован для применения на муниципальном уровне. В рамках такой адаптации целесообразно вместо показателя ожидаемой продолжительности предстоящей жизни населения, расчет данных по которому отсутствует на муниципальном уровне, использовать коэффициент смертности по возрастным группам населения. По мнению Е.М. Андреева, стандартизованный коэффициент смертности является даже более точным показателем (Андреева, 2021).

Региональные программы и их ожидаемые результаты

Программы «Активное долголетие» на 2025–2030 гг. выступают институциональным продолжением сложившегося в субъектах РФ комплекса мер поддержки старшего поколения. Их разработка и реализация осуществляются в соответствии с методическими ориентирами федерального центра, в том числе с учетом положений Приказа Минтруда России[11], что обеспечивает единство методологических подходов при сохранении возможности адаптации мероприятий к региональным социально-экономическим и демографическим условиям. При этом принципиально важным с точки зрения концептуальной строгости является разграничение политики активного долголетия и общей политики в отношении граждан пожилого возраста. Первая не подменяет вторую и не снимает ответственности семьи и общества за заботу о пожилых людях, а представляет собой специализированный управленческий инструмент, ориентированный на раскрытие социально-экономического потенциала лиц старшего возраста и снижение нагрузки на бюджетную и социальную систему. Такое разграничение позволяет избежать терминологической и инструментальной подмены, когда все государственные меры в отношении граждан старшего поколения механически включаются в перечень мер политики активного долголетия без учета их содержания.

На примере региональной программы Свердловской области[12] прослеживается указанная концептуальная проблема. Программа разработана в соответствии с методическими рекомендациями Минтруда России и может рассматриваться как типовая модель реализации федерального подхода на региональном уровне. Вместе с тем ее содержательный контур включает значительный блок мероприятий, которые по своей сути относятся к политике в сфере социального обеспечения и здравоохранения и подлежат реализации и вне зависимости от наличия программы активного долголетия. К числу таких мер относятся оказание гериатрической помощи, предоставление услуг социального обслуживания, а также организация системы долговременного ухода.

Структура бюджетного финансирования программы подтверждает наличие этого смещения акцентов. Согласно финансовому обеспечению мероприятий программы, на подобные мероприятия выделена значительная часть бюджета. Так, значительная доля бюджета направлена на мероприятия инфраструктурного и базового социального характера (*табл. 1*). В частности, на развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию мероприятий программы, запланировано 71,5% общего объема бюджета (14,5 из 20,3 млрд руб.). При этом ожидаемый результат мероприятия сформулирован в предельно обобщенной форме («повышение уровня и качества жизни граждан старшего поколения»), что не дает четкого представления, в какой мере это мероприятие действительно нацелено на задачи активного долголетия, а не решает сугубо инфраструктурные или смежные социальные задачи. Среди наиболее затратных мероприятий – формирование современной городской среды в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» (3747,2 млн руб.) и изготовление и ремонт зубных протезов для отдельных категорий ветеранов (1224,0 млн руб.). В то же время на мероприятия, непосредственно ориентированные на содействие занятости и профессиональному развитию (в частности, на профессиональное

[11] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20.11.2024 № 625 «О методических рекомендациях по разработке (актуализации) региональных программ «Активное долголетие» субъектов Российской Федерации».

[12] Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».

обучение и дополнительное образование граждан старшего поколения и предпенсионного возраста), предусмотрено существенно меньшее финансирование (24,8 млн руб.). Включение указанных мероприятий в структуру программы активного долголетия сопряжено с риском размывания целевого назначения данного управленческого инструмента. Это обусловливает смещение акцентов с основной цели политики активного долголетия на исполнение базовых социальных обязательств, что потенциально снижает эффективность оценки результатов программы и затрудняет выделение реального вклада инструмента в достижение целевых показателей концепции.

Значительная часть запланированных мероприятий региональной программы направлена на организацию досуговых и развивающих мероприятий для граждан старшего поколения на базе организаций различных сфер по видам деятельности (культурно-досуговая, физкультурно-оздоровительная, образовательно-познавательная, социально-трудовая, социальный туризм, волонтерство). В рамках реализации программы запланировано 72 мероприятия, из них 14 мероприятий по организации досуга и лишь восемь мероприятий по содействию занятости (включая волонтерскую деятельность). Такая расстановка приоритетов свидетельствует о смещении фокуса на формирование активного образа жизни пожилого населения при недостаточном внимании к целенаправленному вовлечению граждан старшего возраста в трудовую активность. Это вступает в определенное противоречие с базовыми положениями концепции активного долголетия, которая подразумевает не только поддержание физической и социальной активности, но и продуктивное использование человеческого капитала старшего поколения, включая его экономическую и профессиональную реализацию. Согласно финансовому обеспечению мероприятий, на организацию досуга планируется направить больше средств региональной программы, чем на поддержку трудовой активности граждан старшего поколения. Соотношение расходов на досуговую и трудовую составляющие программы составляет приблизительно 5:1 (*табл. 2*). Подобная структура мероприятий и их финансирования свидетельствует о приоритете социокультурных и рекреационных форматов над мерами, направленными на раскрытие экономического потенциала старшего поколения. При всей значимости различного рода культурного досуга для благополучия граждан старшего поколения это снижает потенциал програм-

Таблица 1. Объем расходов на наиболее затратные мероприятия региональной программы Свердловской области «Активное долголетие»

Мероприятие	Объем расходов, млн руб.
Мероприятие 2. Развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию мероприятий региональной программы	14536,8
Мероприятие 60. Формирование современной городской среды в целях реализации национального проекта «Инфраструктура для жизни» на условиях софинансирования из федерального бюджета	3747,2
Мероприятие 34. Произведено бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов отдельным категориям ветеранов в соответствии с законами Свердловской области от 25 ноября 2004 года № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов в Свердловской области» и от 25 ноября 2004 года № 191-ОЗ «О социальной поддержке реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, в Свердловской области»	1224,0
Мероприятие 37. Развитие системы долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами, нуждающимися в уходе	517,5
Мероприятие 3. В организациях социального обслуживания граждан, находящихся в ведении Свердловской области, проведены работы по укреплению материально-технической базы для повышения качества оказываемых социальных услуг	141,3
Источник: Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».	

Таблица 2. Объем расходов на мероприятия, направленные на досуговую активность и содействие занятости граждан старшего поколения в рамках региональной программы Свердловской области «Активное долголетие»

Мероприятие	Объем расходов, млн руб.
Мероприятие 4. Создание спортивных площадок (оснащение спортивным оборудованием) для занятий уличной гимнастикой в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области	37,3
Мероприятие 11. Организация и проведение официальных физкультурных и спортивных мероприятий, направленных на вовлечение в занятия физической культурой и спортом граждан старшего поколения	7,5
Мероприятие 16. Увеличение количества граждан старшего поколения, охваченных мероприятиями школ пожилого возраста	11,4
Мероприятие 19. Создание условий для повышения доступности и привлекательности туристических услуг для граждан старшего поколения путем предоставления государственной поддержки в форме субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, на реализацию проектов и мероприятий в сфере туризма	64,2
Мероприятие 8. Организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан старшего поколения и предпенсионного возраста при содействии органов службы занятости	24,8
Источник: Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».	

мы как инструмента продуктивной интеграции граждан старшего возраста в экономику и ослабляет ее вклад в достижение цели политики активного долголетия (Соколова и др., 2026). Для продуктивного участия пожилых людей в жизни общества образовательные мероприятия в первую очередь должны быть направлены на развитие профессиональных знаний и навыков, а не иметь форму досуга. Социологическое исследование Вологодского научного центра РАН показало, что пожилые люди отличаются низкой культурной активностью, чаще всего по причине отсутствия желания (38%), недостатка материальных средств и плохого состояния здоровья (по 15%) (Белехова и др., 2024).

В то же время в рамках реализации политики активного долголетия необходимо учитывать ряд значимых аспектов, которые хотя и не связаны напрямую исключительно с пожилыми гражданами, но оказывают существенное влияние на достижение ее цели. Их интеграция в программные документы и управленческие практики позволяет перейти от фрагментарной поддержки старшего поколения к формированию целостной системы, способствующей продлению периода продуктивной жизнедеятельности населения. Во-первых, принципиальное значение имеет превентивная составляющая политики, ориентированная на сохранение здоровья и наращивание человеческого капитала на протяжении всего жизненного цикла. Логика активного долголетия предполагает, что способность оставаться социально и экономически активным в пожилом возрасте формируется задолго до наступления этого этапа, она обусловлена состоянием здоровья, уровнем образования, приобретенными компетенциями и устоявшимися моделями поведения. Соответственно, мероприятия в рамках политики активного долголетия должны включать не только адресную поддержку пожилых граждан, но и меры, направленные на формирование здорового образа жизни и профилактику заболеваний у населения всех возрастных групп. Такой подход минимизирует риски ускоренного старения, снижения трудоспособности и социальной изоляции, а также обеспечивает более эффективное использование накопленного человеческого капитала в старших возрастах.

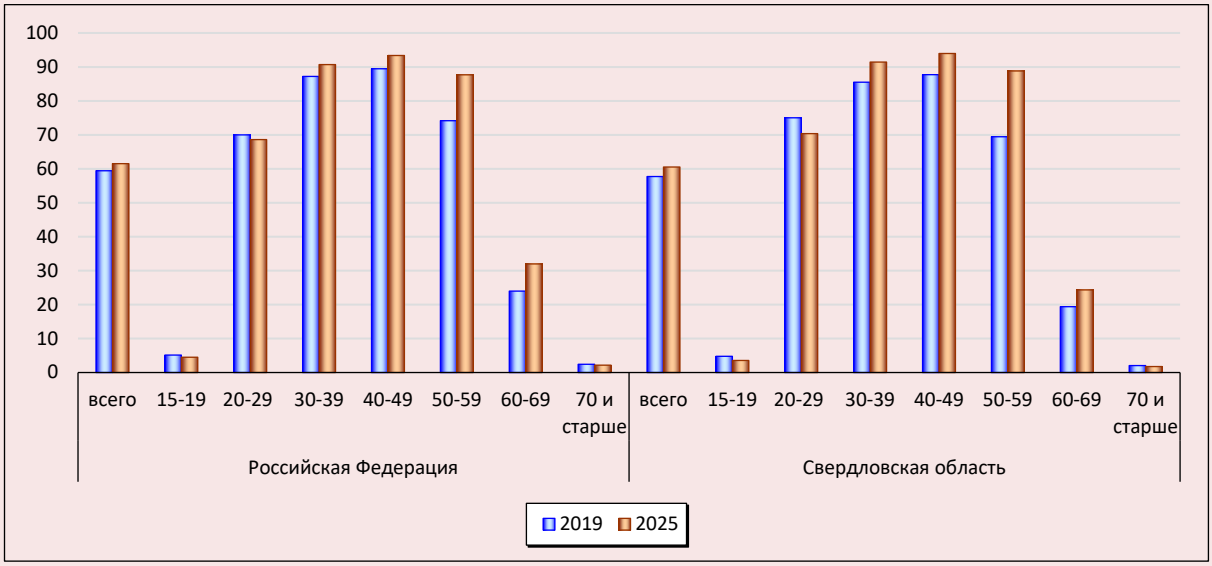
Во-вторых, следует учитывать феномен двойной нагрузки на пожилых людей, обусловленный одновременным ростом их вовлеченности в экономическую деятельность и выполнение семейно-бытовых функций, в первую очередь в уходе за внуками. Статистические

данные свидетельствуют об устойчивой динамике этих процессов. С одной стороны, повышается занятость граждан старшего поколения в первую очередь в результате изменения в пенсионном законодательстве. Как видно на *рисунке 1*, уровень занятости населения в возрастных группах 55–59 и 60–69 лет значительно увеличился за 2019–2025 гг. В Свердловской области наблюдается сопоставимая с общероссийской динамикой тенденция, при этом в группе 50–59 лет зафиксирован более выраженный рост (до 88,8% к 2025 году). Несколько более низкие показатели в группе 60–69 лет могут быть обусловлены отраслевой структурой региона (промышленность, где физическая нагрузка ограничивает занятость пожилых) и требует адаптации инструментов активного долголетия под местные условия.

С другой стороны, усиливается роль бабушек и дедушек в уходе за детьми. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, доля бабушек, ежедневно ухаживающих за внуками, за 2011–2024 гг. увеличилась с 22,2 до 32,2%, дедушек – с 13,2 до 23,4%. Такая нагрузка создает значительные психофизиологические риски и может нивелировать положительный эффект от мер по стимулированию активности пожилых граждан. Для ее снижения целесообразно развивать гибкие формы занятости населения (не только старших возрастных групп, но и для родителей), расширять инфраструктуру по уходу за детьми, а также обеспечивать интеграцию семейной политики и программ активного долголетия.

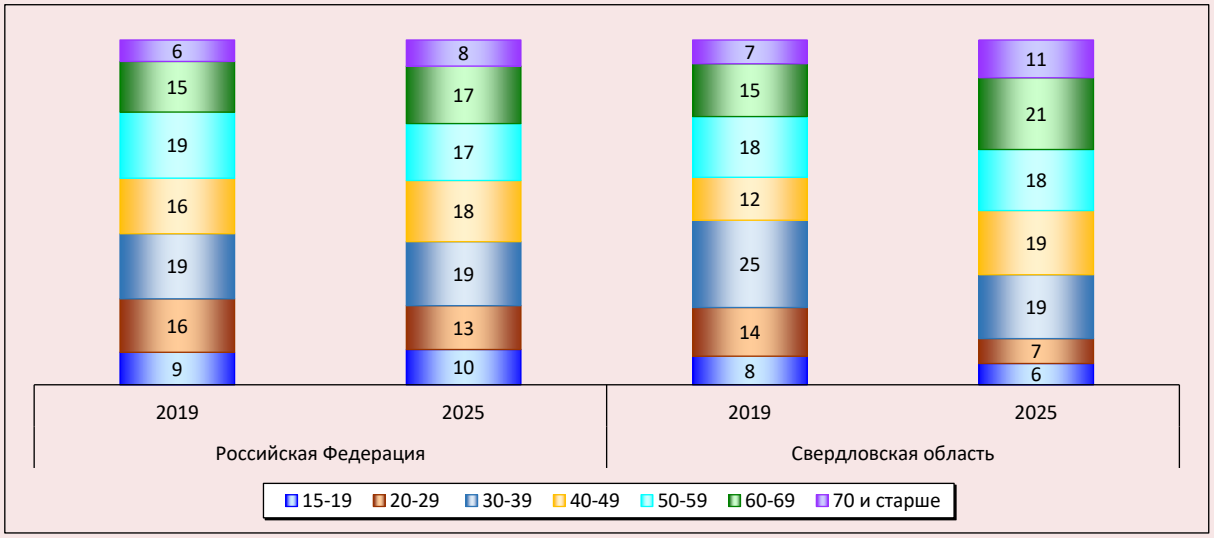
Кроме того, особого внимания заслуживает возрастающая роль граждан старшего поколения в волонтерском движении. Труд волонтеров является одним из направлений социальной активности для пожилых людей, которое в настоящее время стремительно развивается (Соловьева, 2024). Данные выборочного обследования рабочей силы свидетельствуют о росте доли волонтеров в возрастных группах 60–69 лет и 70 лет и старше. В Свердловской области этот рост выражен сильнее, чем в среднем по России (*рис. 2*). Такая динамика может быть обусловлена как целенаправленными региональными практиками, так и отраслевой и культурной спецификой Урала, характеризующейся традиционно высокой ролью ветеранских организаций, промышленных династий и практик взаимопомощи, легко трансформируемых в волонтерские инициативы.

Рис. 1. Уровень занятости населения по возрастным группам, %

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы, Росстат.

Рис. 2. Структура населения, работающего в качестве волонтеров, по возрастным группам, %

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы, Росстат.

В-третьих, важным направлением является трансформация формата досуговых и развивающих мероприятий от изолированных практик для пожилых людей к межпоколенческим форматам взаимодействия. В настоящее время значительная часть мероприятий реализуется в рамках возрастных когорт, что ограничивает их потенциал в части социальной интеграции. Межпоколенческие программы в культурной, образовательной, оздоровительной и волонтерской сферах способствуют формированию позитивного отношения к старению, укрепляют социальные связи, обеспечивают передачу опыта и знаний между поколениями, а также снижают риски возрастной сегрегации. Такие форматы повышают социальную значимость старшего поколения, усиливают его вовлеченность в общественную жизнь и соответствуют целевым ориентирам концепции активного долголетия.

Таким образом, учет указанных аспектов позволяет обеспечить системный характер политики активного долголетия, выйти за рамки узкоспециализированных мер и сформировать комплекс взаимосвязанных действий, направленных на продление периода продуктивной и благополучной жизни граждан. Объединение превентивных мер, механизмов снижения двойной нагрузки и инструментов межпоколенческой интеграции в региональные программы способствует повышению их целевой эффективности, устойчивости результатов и социально-экономической отдаче от вовлечения старшего поколения в развитие общества.

Система показателей эффективности региональной программы «Активное долголетие» в Свердловской области включает 24 индикатора, позволяющие оценивать различные аспекты благополучия граждан старшего поколения. В их число входят показатели, характеризующие уровень социальной активности и вовлеченности населения старших возрастных групп (в физкультурных, культурно-досуговых, волонтерских и образовательных инициативах), охраны здоровья и организации медицинской помощи (в частности, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, обеспеченность геронтологическими койками, охват диспансерным наблюдением), а также показатели развития социальной инфраструктуры и механизмов общественного участия (включая количество туристско-информационных центров, объем государственной поддержки некоммерческих организаций, число мероприятий общественного контроля). При этом результативность мер, направленных на содействие занятости граждан старшего поколения, в действующей системе мониторинга представле-

на единственным показателем – «количество проведенных ярмарок вакансий и учебных рабочих мест для граждан старшего поколения». Причем его значения планируется сократить с 53 мероприятий в 2024 году до 30 мероприятий ежегодно в 2025–2030 гг. Такое снижение числа мероприятий должно компенсироваться повышением их результативности. Для этого необходимо сместить фокус с количественного показателя (количество ярмарок) на качественные и содержательные параметры, например «количество граждан старшего поколения, трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий», «количество вакансий и учебных рабочих мест для граждан старшего поколения на ярмарках», «количество работодателей, участвующих в ярмарках вакансий для старшего поколения».

Для обеспечения мониторинга достижения задач по повышению конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда и созданию условий для продолжения трудовой деятельности целесообразно ввести показатель «Уровень занятости населения среди граждан старшего поколения по возрастным группам». В контексте выполнения задачи, предусматривающей совершенствование механизмов профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан старшего поколения по востребованным на рынке труда направлениям, систему показателей целесообразно дополнить индикатором «количество граждан старшего поколения и предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование при содействии органов службы занятости».

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в научной практике сформирован значительный инструментарий для оценки активного долголетия. В частности, разработаны различные версии международного индекса Active Ageing Index (AAI) и его адаптации, включая российский индекс активного долголетия (ИАД), методология расчета которого закреплена и актуализирована нормативными актами Росстата. Эти индексы обладают высокой аналитической ценностью, они позволяют комплексно отражать многомерность активного долголетия, выявлять тенденции и проводить межстрановые сопоставления. Вместе с тем применение указанных индексов в практике государственного управления и в качестве инструмента оценки результативности политики активного долголетия сталкивается с серьезными ограничениями. Ключевые проблемы связаны с методологической перегруженностью интегральных индексов, риском усреднения разнонаправленных тенденций («эффект средней температуры по больнице») и искажением смысла показателей при их трактовке в управленческом контексте. Кроме того, отдельные компоненты индексов могут фиксировать не расширение возможностей пожилых граждан, а вынужденную адаптацию к неблагоприятным социально-экономическим условиям.

При этом не менее существенные методологические ограничения обнаруживаются и на уровне прикладных управленческих инструментов. Система показателей, предусмотренная методическими рекомендациями Минтруда России для оценки эффективности региональных программ «Активное долголетие», также имеет недостатки, так как в значительной степени ориентирована на учет нагрузки на социальную и медицинскую инфраструктуру и отражает старшее поколение преимущественно как группу, нуждающуюся в поддержке, а не как ресурс общества. При этом важнейшие аспекты концепции активного долголетия: раскрытие потенциала старшего поколения, продуктивное использование его опыта, знаний и навыков, расширение возможностей для экономической и общественной самореализации – в этой системе показателей отсутствуют.

Анализ содержания и финансирования региональных программ на примере программы Свердловской области подтверждает смещение акцентов. Значительная часть бюджета и перечня мероприятий относится к сфере базового социального обеспечения, здравоохранения и инфраструктурного развития и подлежит реализации вне зависимости от политики активного долголетия. При этом меры, непосредственно направленные на содействие занятости, профессиональному развитию и продуктивной интеграции пожилых граждан в экономику, получают существенно меньшее ресурсное обеспечение и организационное внимание. Такая расстановка приоритетов ведет к размыванию целевого назначения про-

грамм и снижает их управленческую и социально-экономическую эффективность.

С учетом выявленных методологических ограничений необходима корректировка как содержания региональных программ «Активное долголетие», так и системы показателей, по которым оценивается их результативность. В первую очередь требуется:

– переориентировать программы на раскрытие экономического и социального потенциала старшего поколения, сместить фокус с мероприятий досугово-рекреационного характера на меры по содействию занятости, профессиональному обучению, развитию волонтерства и межпоколенческих практик;

– пересмотреть систему показателей оценки, сделав акцент на показателях, фиксирующих реальные результаты политики (уровень занятости по возрастным группам, число трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий, количество граждан, прошедших профессиональное обучение, и т. п.), а не на объемах затраченных усилий или промежуточных действиях;

– обеспечить регулярность и сопоставимость данных (предпочтительно ежегодную отчетность) для повышения оперативности управленческого контроля;

– учитывать в программных документах и системе мониторинга дополнительные факторы, влияющие на продуктивную активность пожилых людей (превентивные меры, снижение двойной нагрузки, развитие межпоколенческого взаимодействия).

Реализация этих направлений позволит повысить целевую направленность и результативность региональных программ, обеспечить их соответствие концептуальным основам активного долголетия и сформировать более точный и практически значимый инструментарий оценки результатов государственной политики в этой сфере.

Литература

Айвазян С.А. (2001). Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть 1. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. Социология. Этнология. № 4. С. 59–96.

Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси (2022) / под ред. О.Н. Калачиковой. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 179 с.

Алферьев Д.А., Кремин А.Е., Родионов Д.Г., Величенкова Д.С. (2021). К методологии проверки интегральных оценок социально-экономических объектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 86–106. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.5

Андреев Е.М. (2021). Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12780

Барсуков В.Н. (2016). Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (43). С. 195–213.

Барышева Г.А., Недоспасова О.П., Павлова И.А., Рождественская Е.М., Барышев А.А. (2022). Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. № 484. С. 194–206. DOI: 10.17223/15617793/484/22

Белехова Г.В., Попов А.В. (2025). Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 203–222. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.11/

Белехова Г.В., Шматова Ю.Е., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Проблемы обеспечения благополучия старшего поколения в контексте региональной социальной политики // Народонаселение. Т. 27. № 3. С. 180–192. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192

Васильева Е.В. (2022a). Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 128–143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.10

Васильева Е.В. (2022b). Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 190 с. DOI: 10.17059/661-5

Григорьева И., Богданова Е. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Доброхлеб В.Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6

Иванова А.Е., Вангородская С.А. (2026). Индекс активного долголетия как инструмент оценки социально-демографической политики: проблемы использования и резервы повышения эффективности // ДЕМИС. Демографические исследования. Том 6. № 1. С. 19–39. DOI: 10.19181/demis.2026.6.1.2

Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. (2023). Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring. 2023.1.2209

Калачикова О.Н., Нацун Л.Н. (2022). Социально-демографические предпосылки реализации концепции активного долголетия в России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (66). С. 112–125. DOI: 10.52452/18115942_2022_2_112

Короленко А.В. (2022a). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2

Короленко А.В. (2022b). Внешние факторы активного долголетия в оценках населения Вологодской области // Социальная компетентность. Т. 7. № 1. С. 95–109.

Леонов С.Н. (2024). Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. Т. 11. № 1. С. 60–68. DOI: 10.14530/reg.2024.1.60

Попов А.В. (2026). Индекс благополучной старости пожилого населения в регионах России: объективная, субъективная и интегральная оценка // Народонаселение. Т. 29. № 1. С. 95–109. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-95-109

Синявская О.В., Червякова А.А. (2022). Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043

Соколова А.А., Жданова А.Э., Корзина А.А. (2026). Благополучие и благополучная старость в нарративах старшего поколения // Социологическая наука и социальная практика. Т. 14. № 2. С. 67–92. DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.4

Соловьева Т.С. (2024). Старшее поколение на российском рынке труда в зеркале официальной статистики // Управление устойчивым развитием. № 4 (53). С. 61–69. DOI: 10.55421/2499992X_2024_4_61.

Acosta-Urigüen M.I., Lima J.F., Díaz J., Harari I. (2026). Conceptualizing the Active Ageing Index (AAI): A systematic literature review of data collection and data treatment. In: Ziefle M., Lozano Perez M., Mulvenna M. (Eds.) *Information and Communication Technologies for Ageing Well and e-Health. Vol. 2762.* DOI: 10.1007/978-3-032-10685-8_5

Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. (2018). Active Ageing Index: A Russian study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Per ek-Białas J. (Eds). *Building Evidence for Active Ageing Policies.* Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19

de São José J.M., Timonen V., Amado C.A.F., Santos S.P. (2017). A critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*, 40. DOI: 10.1016/j.jaging.2017.01.001

Durán F., Geri M., González G. (2026). Is measuring the potential for active ageing in Argentina an achievable challenge? *Population Ageing.* DOI: 10.1007/s12062-026-09540-0

Jiang J., Cheong A., Sazlina S.G. et al. (2026). Levels of active ageing and its influencing factors among older adults: A scoping review. *BMC Public Health*, 26, article number 493. DOI: 10.1186/s12889-025-25820-4

Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. (2017). Active Ageing Index as an evidence base for developing a comprehensive active ageing policy in Russia. *Population Ageing*, 10, 41–71. DOI 10.1007/s12062-016-9164-0

Zaidi A. (2017). AAI – Active Ageing Index. *Impact*, 8, 63–65. DOI: 10.21820/23987073.2017.8.63

Zaidi A., Gasior K., Zolyomi E. et al. (2017) Measuring active and healthy ageing in Europe. Journal of European *Social Policy*, 27(2), 138–157. DOI: 10.1177/0958928716676550

Zaidi A., Um J. (2019). *The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand. Working Paper.* Bangkok: UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific.

Приложение

Структура ИАД

1. Занятость.
1.1. Уровень занятости лиц (55–59).
1.2. Уровень занятости лиц (60–64).
1.3. Уровень занятости лиц (65–69).
1.4. Уровень занятости лиц (70–74).
2. Участие в жизни общества.
2.1. Волонтерская деятельность (55+).
2.2. Уход за детьми, внуками (55+).
2.3. Уход за больными и инвалидами (55+).
2.4. Участие в политической жизни (55+).
3. Независимая, здоровая и безопасная жизнь.
3.1. Физическая активность среди пожилых людей (55+).
3.2. Доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам (55+).
3.3. Независимое / самостоятельное проживание (75+).
3.4. Относительный уровень дохода пожилых людей (65+).
3.5. Отсутствие риска бедности (65+).
3.6. Отсутствие тяжелых материальных лишений (необеспеченности) (65+).
3.7. Физическая безопасность (55+).
3.8. Непрерывное обучение (обучение в течение всей жизни) (55–74).
4. Возможности и благоприятная среда для активного долголетия.
4.1. Степень достижения целевой продолжительности жизни (55).
4.2. Доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте (55).
4.3. Психологическое благополучие (55+).
4.4. Использование информационно коммуникационных технологий (ИКТ) (55–74).
4.5. Социальные связи пожилых людей (55+).
4.6. Уровень образования людей пожилого возраста (55+).

Сведения об авторе

Елена Витальевна Васильева – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель центра, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Vasilyeva E.V.

Active Aging Policy in Russian Regions: Regional Programs and Measuring Their Development Dynamics

Abstract. The article examines how active aging policy is implemented in Russian regions, using regional programs as a case in point, and analyzes the tools used to measure their performance. It reveals a conceptual contradiction between the stated purpose of active aging policy (unlocking the socio-economic potential of the older generation) and the actual orientation of the assessment mechanisms applied, which often capture not the productive involvement of older citizens but the burden they place on social and medical infrastructure. The study analyzes the international Active Ageing Index, its adaptations (including the Russian active aging index), and the indicator system of the Russian Ministry of Labor, and

identifies their methodological limitations for public governance purposes. It also examines the regional program "Active Longevity" in the Sverdlovsk Region: the structure of its activities, the distribution of budget funds, and its system for monitoring results. The analysis shows that a significant share of funding and activities falls within basic social security, healthcare, and infrastructure development and is carried out without any direct link to active aging objectives, whereas measures to promote employment and professional development receive substantially less funding. Drawing on the gaps identified between the conceptual foundations of the policy and its practical implementation, the article proposes ways to improve regional programs and the system of indicators used to assess their results – in particular, shifting the emphasis toward unlocking the economic and social potential of the older generation, introducing outcome indicators (employment rates by age group, the number of people placed in jobs after participating in job fairs, and others), ensuring that data are regular and comparable, and taking into account the factors that shape productive activity among older people (preventive measures, reducing the double burden, and fostering intergenerational interaction). The findings can be used by government authorities when adjusting the content of regional programs and developing more relevant tools for assessing the performance of active aging policy.

Key words: active aging, regional programs, active aging index, older generation, older people.

Information about the Author

Elena V. Vasilyeva – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of center, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Статья поступила 24.08.2026.